

ТАК В ЧЕМ ЖЕ ДЕЛО?

Так был ли все же какой-то смысл, и если был, то какой, во всей этой вакханалии казней, убийств, во всех этих странных, часто противоречивых извивах правительственной политики, во внезапных возвышениях и столь же внезапных падениях временщиков? Речь, разумеется, не идет о поисках оправданий для опричнины. Каковы бы ни были прогрессивные последствия опричнины (если были), все равно у историка нет морального права прощать убийство десятков тысяч ни в чем не повинных людей, амнистировать зверство. Выбросив из истории моральную оценку, мы окажемся сторонниками давно осужденного, но все еще, увы, живого тезиса: *“Цель оправдывает средства”*. Но такая позиция не только морально уязвима, она антинаучна, ибо, как в физике, измерение подчас меняет свойства объекта, так и в жизни цель меняется под воздействием средств. Нельзя достичь высокой цели грязными средствами.

Вопрос о значении и роли опричнины давно пытается решить наша наука. Долгое время спор шел исключительно в моральной плоскости (чрезвычайно важной, но не единственной, определяющей решение проблемы). Только казни, кровопролитие практически без анализа их причин

занимали дворянских историков - и князя Михаила Михайловича Щербатова, жившего во времена Екатерины II, и великого ученого Николая Михайловича Карамзина.

Карамзина иногда считают основателем концепции “двух Иванов” - мудрого государственного мужа в первой половине своего царствования и тирана - во второй. Пожалуй, для широкой публики именно Карамзин сделал эту концепцию привычной. Однако родилась она задолго до XIX века. У ее истоков стоял еще князь Курбский. В своем антигрозненском памфлете “История о великом князе Московском” он задается вопросом, *“откуда сия приключишася так прежде доброму и нарочитому царю, многожды за отечество и о здравии своем не радяшу... и прежде от всех добру славу имущему?”*. И первое свое послание царю Ивану Курбский адресует *“царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресветлуяввишуся, ныне же - грех ради наших - сопротивным (противоположным. - В. К.) обретеся”*. Такая позиция Курбского понятна: как бы иначе он мог объяснить своим читателям, почему он столько лет верой и правдой служил такому извергу и тирану?

Представление о внезапном изменении характера царя Ивана характерно и для исторических сочинений, появившихся в начале XVII века, в первые годы правления династии Романовых. Дело в том, что первый царь этой династии - Михаил Федорович и его окружение оказались в нелегкой ситуации. Только по жене Ивана Грозного - царице Анастасии (родной сестре деда царя Михаила) они имели право на престол. Однако зверства опричнины были у всех в памяти. Буквально все авторы этого времени ищут корни трагических событий начала XVII века, *“пленения и конечного разорения превысокого и пресветлейшего Московского государства”* в мрачных временах опричного террора. Большинство авторов резко осуждает царей, которые *“крови многочисленного народа... яко река, излиша”*. Пожалуй, лишь сын опричника, князя Андрея Ивановича Хворостинина (брата того Дмитрия Хворостинина, который отличился в битве у Молодей) - Иван упоминает *“всеславнаго царя Ивана”*, но и он предпочитает просто умолчать о событиях XVI века, а восхвалять опричный террор и казни “изменников” не решается.

Следовательно, становится необходимым одновременно недвусмысленно отмежеваться от опричнины и подчеркнуть свою связь с угасшей династией потомков Калиты. Здесь как нельзя более кстати подоспела концепция “двух Иванов”. Настойчиво внедряется в сознание мысль, что все хорошее в наиболее ярком царствовании недавнего прошлого исходило от благочестивой царицы Анастасии, представительницы того рода, из которого вышел и новый царь; все же дурное началось лишь после ее смерти. Воцарение Михаила Романова - это тем самым возврат к блаженным временам первого периода царствования Ивана IV. Вероятно,

именно тогда проникает в фольклор идеализированный образ “старого боярина” Никиты Романовича, деда царя Михаила, который своим смелым заступничеством умерял последствия гнева грозного царя. Создатели этой легенды как-то забывали, что если Никита Романович Юрьев благополучно прожил все опричные годы и на несколько лет пережил царя Ивана, то только потому, что никогда ни за кого не заступался, хотя, видимо, и не причинил никому особенного зла.

Выше уже шла речь о “государственной школе” и С.М. Соловьеве, который, недвусмысленно осуждая зверства опричнины, видел в ней закономерное проявление борьбы новых государственных начал против отживших родовых. В самом же конце XIX века, в канун первой русской революции, возникает новая концепция опричнины, которая с небольшими изменениями дожила и до наших дней, особенно в учебной литературе. Создателем ее был крупнейший историк тех лет Сергей Федорович Платонов, изложивший эту концепцию в своей книге “Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI - XVII вв.”.

Платонов начало своего труда посвятил истокам Смуты, и в частности опричнине. Он попытался найти корни опричнины не в чертах характера царя Ивана, не в заговорах бояр или в безумном стремлении царя истреблять своих подданных, а в социальных отношениях. По мнению Платонова, главным тормозом централизации страны были боярство, крупные землевладельцы. В дальнейшем мы еще вернемся к вопросу о том, насколько обоснован этот тезис Платонова, послуживший предпосылкой для его дальнейших рассуждений. Ученый полагал, что Иван Грозный, выселяя из опричных уездов бояр, тесно связанных с местным населением, привыкшим смотреть на них как на своих государей, тем самым заменял, как он писал, “остатки удельных переживаний новыми порядками”. Этой цели служила, по мысли Платонова, и раздача опричникам-дворянам вотчин выселенных бояр. В этих переселениях Платонов увидел главное в опричнине и отсюда выводил социальный смысл этого учреждения. Думается, читателю с детских лет памятна эта концепция.

Я не согласен с Платоновым, но все же думаю, что его труд был гигантским шагом вперед в изучении опричнины. Это была первая попытка найти корни опричнины в каких-то социальных явлениях. И сразу коренным образом изменился набор тех источников, которые историки используют для изучения опричнины. Ведь до Платонова изучали лишь внешнюю канву событий, примерно в том духе, как было сделано в этой книге несколькими страницами раньше. Соответственно источниками служили летописи, писания царя Ивана и Курбского, сочинения иностранцев, то есть источники повествовательные, чрезвычайно субъективные и тенденциозные. Споры о степени достоверности заключенной в них информации можно было бы вести бесконечно. Не требовало особых трудов объявить одни и те же

источники то “тенденциозной клеветой”, то “независимым мнением”, то “официальной ложью”, то “объективным изложением фактов”. Критерием истины становилась лишь принятая исследователем точка зрения.

Изучение социальной политики опричнины потребовало принципиально новых источников. Незаметные и скромные купчие, меновные и другие акты феодального землевладения стали важным материалом для суждений об опричнине. Появилась возможность использовать уже не отдельные документы, а целый их массив.

Концепция Платонова спровоцировала обращение историков к этим источникам, но под напором выявленных благодаря этому фактов сама рухнула.

Прежде всего выяснилось, что в опричнину вовсе не были взяты те уезды, где были особенно сильны традиции землевладения бывших удельных князей. Например, хотя в опричнину вошел Суздальский уезд (оттуда происходили князья Шуйские, ветвь суздальских князей), но, во-первых, кое-кто из Шуйских, видимо, сам стал опричником, а во-вторых (и это главное), основные их вотчины остались в соседнем Нижегородском уезде, который был земским. Более того, как показал Г.Н. Бибииков (историк, великолепно начавший свою научную деятельность перед самой войной и погибший на фронте), в опричнину вошли в основном уезды, населенные средними и мелкими феодалами, рядовыми служилыми людьми. В связи с этим С.Б. Веселовский писал, что для выселения нескольких княжат из их родовых гнезд вовсе не было нужно выгонять *“из уездов многие сотни рядовых помещиков и вотчинников. Подобная идея могла прийти в голову только совершенно полоумному человеку”*. Однако Веселовский исходил из убеждения, что все эти выселения действительно были осуществлены. Но так ли это?

Этот вопрос поставил Александр Александрович Зимин (1920 - 1980), выдающийся советский историк. Он тщательно изучил все сведения о переселениях феодалов в годы опричнины. А материалов такого рода накопилось немало. Ученик С.Ф. Платонова П.А. Садиков упорно работал в архивах и нашел много документов, которыми служилые люди оформляли продажу или дарение монастырям своих земель, полученных в возмещение за вотчины, утраченные в опричнине. Зимин скрупулезно исследовал состав этих феодалов, потерявших вотчины в опричные годы. Оказалось, что среди них почти не было людей, с точки зрения царя Ивана, “чистеньких”. Большинство их было родственниками опальных, многие связаны с двором опального старицкого князя. Итак, одно из двух: либо эти выселения были прокламированы, но не осуществлены в полной мере, а правительство выселило только опальных; либо тех феодалов опричных уездов, кто не

внушал царю особых подозрений, оставляли на месте и зачисляли в опричнину.

Более того, известны случаи, когда у человека, который по закону вроде должен был лишиться вотчины, ее оставляли. Характерна в этом смысле история вотчины Андрея Тимофеевича Михалкова, рассказанная им самим в своем завещании. Михалков получил в наследство от тестя два села в Костромском и Угличском уездах, с тем чтобы зять уплатил долги тестя и дал в монастырь вклад по его душе. *“И те вотчины, - пишет Михалков, - в опричнину были взяты и розданы в роздачу. И я о тех вотчинах бил челом государю, что я за те вотчины по духовной тестя своего и шурьев дал по их душам 300 рублей. И государь теми вотчинами меня пожаловал и в грамоте велел написать, что те вотчины мне и сыну моему Ивану и в род неподвижно за мою за литовскую службу”*.

Итак, та реформа, которую считали самой сутью опричнины, была либо не осуществлена, либо осуществлена далеко не в полном объеме. А ведь во многом именно на опричных переселениях основано ходячее представление об опричнине как системе мер, направленных против боярства. В связи с этим необходимо небольшое отступление от основной темы книги.